

ИРИНА КОТОВА

МАРЕНА,

ТЫКВЕННАЯ ВЕДЬМА

Как избавиться от тыквы

Ирина Котова

Марфа, тыквенная ведьма

«Котова Ирина »

2026

Котова И. В.

Марфа, тыквенная ведьма / И. В. Котова — «Котова Ирина »,
2026 — (Как избавиться от тыквы)

Ты вырастил больше тысячи тыкв, герр колдун? И их надо за год пустить в дело, а то потеряешь свой волшебный дар? Ну конечно же, я справлюсь, не зря же я Марфа, дочь купеческая. И продам, и лакомств наготовлю, и к тыквенному супу весь город приучу. И дом твой в порядок приведу, да так, что ахнешь! Только забери меня к себе, а то тут меня дядюшка насильно замуж выдать хочет. Заберешь, правда? Да, давай договор подпишем. На все я согласна. Только один вопросик остался, герр колдун. А что такое тыква?

© Котова И. В., 2026

© Котова Ирина , 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Котова

Марфа, тыквенная ведьма

Пролог

В далекой Датляндии меж зеленых холмов стоял городок Грюнебах. Был он городком обычным для практичных датляндцев: домики каменные с черепичными крышами, чистые улочки – хоть кашу с мостовой ешь. Говорят, однажды в одном из соседних городков так волшебный горшочек каши наварил, что месяц жители себе дороги проедали. И не отравились, вот что показательно!

Но то в другом месте случилось. В Грюнебахе же достопримечательностей особо и не было, кроме красной ратуши, на которой висели большие бронзовые часы с кукушкой. Кукушка уже сорок лет как охрипла и вместо «ку-ку» говорила «кха-кха», а если час был поздний, то создавалось ощущение, что она над горожанами ехидно смеется: «кха-кха-кха-кха-кха-кха».

Жили в Грюнебахе, как и по всей Датляндии, не только люди, но и волшебный народец, и нечисть. И все степенные, хозяйственные. Оборотни к полнолунию заходя записывались у бургомистра в ведомость с обязательством вести себя прилично и были только в лесу, дабы соседей не будить. Ведьмы строго блюли кодекс и не летали над чужими домами, а еще модничали, носили остроконечные шляпы, чтобы каждый издали видел, что за красотка идет. А еще враждовали с хульдрами, лесными девами с лисьими ушами и коровьими хвостами: те лучших парней в мужья уводили!

В каждом доме служил ниссе-домовой: за угощение порядок блюл; а по субботам в трактир «Пряничный домик» заходил старый тролль из-под моста и до полуночи играл с кузнецом в кости. Ундины молодых парней не топили, а лишь зацеловывали до беспамятства, а гномы из соседних холмов и вовсе иногда сватались к местным девушкам, и те охотно шли – для них строили домики у холмов, а то что муж чумазный с работы приходит и бороду носит, так сосед Карл такой же, только ростом повыше. Да и гномих любой человек был рад в хозяйки иметь – хлопочет как две хозяйки, а одежды нужно в два раза меньше.

Вокруг Грюнебаха располагались фермы и поля, леса и озера, и жили в нем жители в мире и спокойствии.

Была в Грюнебахе еще одна достопримечательность, которой, точнее, которым гордился весь городок и окрестности. Жил на окраине городка, в большом каменном доме на холме, свой собственный колдун, дипломированный. Дитрих сын Готтхарда, из рода древне-датляндского. Весь городок к нему за помощью обращался, а он и не отказывал никому.

Земля Дитриха слушалась, как дитя ласковую мать. Скажет он слово – и камни из пашни сами на межу выкатываются. Проведёт рукой – и родник из сухой земли пробивается. А уж лечил он как! И людей, и скотину, и нечисть – всех, кто дохромать мог или доползти. А еще плодоносили благодаря Дитриху поля до поздней осени, пока последний лист с деревьев не упадет.

Ещё Дитрих изобретал. Слово «изобретения» в Грюнебахе произносили шёпотом и оглядываясь, потому что они у колдуна выходили могучие, но своевольные. Самокопающая лопата копала знатно, да только иногда там, где сама хотела – и бургомистров розовый цветник до сих пор поминали со слезой. Самодвижущаяся телега однажды унесла пьяного мельника, который ее в сердцах пнул, в болота, и спасал его оттуда тролль, живущий под мостом у мельницы. А петухи-флюгеры, которые не только показывали направление ветра, но и оповещали о пожаре, в какой-то момент вдруг стали следить за прелюбодеяниями и на всю округу кричать, что герр

Вайсман залез в окно к фру Либрих, пока герр Либрих пропускал кружечку в «Пряничном домике». Скандал был ужасный, но петухов снять не удалось – они клевались и перелетали на другой конец крыши. Так Грюнебах стал городком очень верных мужей и жен.

А так-то всем хорош был Дитрих, кроме одного. Волшбу он изучал в юниверситетусе в Багдаде, под руководством самого великого Ибн Хоттаба, и помимо других наук перенял главную юниверситетскую науку: по всякому поводу об заклад биться.

И вот на прошлогоднем празднике урожая, за бочкой тёмного пива, поспорил Дитрих с младшим своим братом, бывшим однокурсником, колдуном соседнего городка Линдехоляма Олафом: кто к следующему Самайну вырастит больше по весу тыкв, овоща невиданного. Семена овоща этого подарила им на всемирном слете колдунов волшебница с заморской большой земли, из тех, что лица красками расписывают и перья орлиные в волосы вставляют.

Заклад положили серьёзный: проигравший цельный год должен победителя при встрече величать «герр гроссмейстер колдовских наук» и кланяться, шляпой мостовую метя.

По десять семян было у каждого колдуна. И Олаф – неслабый колдун, вырастил десять тыкв размером с мельничье колесо, да с такой твердой корой, что только гномы смогли киркой своей пробить. И выторговали их у Олафа на развод – решили, что будут так себе дома растить.

А Дитрих семечки на свое поле за домом на холме посадил и сел изобретать. И изобрел палку, которую назвал жезл плодородия, которая все преумножать должна. Дождлся, пока тыквы созреют – Олаф все заглядывал и насмехался, что у него-то тыквы уже с дом гнома размером, а у Дитриха с котелок.

А Дитрих по осени свой жезл использовал. И когда Олаф пришел уже в канун Самайна победу праздновать, показал ему огород на заднем дворе – не огород, поле чуть подмороженное, сплошь заросшее оранжевыми крепкими тыковками. Небольшими по сравнению с олафовыми – были там и с два кулачка, и по колено. Но было их там столько... что и невооруженным глазом было видно, не взвешивая, что весят они больше олафовых в несколько десятков раз.

– Схитрил! – плюнул с досадой Олаф.

– Использовал неточность в формулировке, – дотошно поправил его Дитрих и поправил круглые очки. – В споре не сказано, что больше по весу должна быть одна тыква.

– И сколько их? – спросил Олаф, который уже мысленно смирился с поражением и прикидывал, на что бы еще поспорить, чтобы отыграться.

– Тысяча триста двадцать две, – с гордостью ответил Дитрих, оглядывая свое богатство. – Ну, начинай, Олаф.

– Ладно, ты выиграл, – вздохнул брат и поклонился. – Герр гроссмейстер колдовских наук. – И тут же, поднявшись, поинтересовался с ехидцей. – А что ты с ними делать будешь?

Дитрих Готтхардсон застыл и побледнел.

– А об этом я не подумал, – признался он. – Понимаешь, отвлекся. Изобретал сапоги-самосшивки, чтобы только ногу на кожаный лоскут поставить, и уже сапог тебе по размеру... потом задумал коровьи рога светящимися сделать, чтобы ночью не терять, а затем... что я затем делал-то?

Олаф хохотнул.

– Ну ты даешь, братец! Сам же знаешь, что нам запрещено силу ради потехи тратить, а то исчезнет она. Если плоды земли в дело не пустить, так она больше нам не откликнется. Сколько батюшка нам об этом толковал? А матушка если узнает, точно проклянет!

Матушка у братьев была сильной колдуньей и ныне преподавала в Багдадском юниверситетусе.

Братья снова оглядели тыквенное поле. Теперь казалось, что и тыквы смотрят на них выжидательно.

– Колдунья та, что семена нам дала, говорила, что срезанная тыква хранится до трех месяцев, – неуверенно вспомнил Дитрих. – И, помнишь, говорила, что они кашу с ней варят?

Как ее... хухрурузную! Может, жителям раздать? В Грюнебахе как раз полторы тысячи человек проживает, а если с нечистой и волшебным народцем подсчитать, так и все две!

– Выбросят, – предсказал Олаф. – Сам знаешь, какие консервативные. Помнишь, я картофель от той же колдуньи разводить начал и в корчму предложил? Плевались и кричали, что я их отравить хочу. Только гномы и взяли себе!

Дитрих молча признал, что брат прав. Тыквы надо было не раздать – раздать проще простого, да что даром роздано, то под забором сгниёт, и выйдет земле та же обида. Тыквы надо было в дело пустить, в настоящее, с толком и с пользой. А из всех наук юниверситетуса именно наука пользы давалась Дитриху хуже всего.

Они снова помолчали.

– Сколько ты их сохранить сможешь? – спросил Олаф.

Дитрих что-то прикинул.

– Год, – уныло признал он. – Больше силы не хватит.

– Вот и славно, – хохотнул Олаф и хлопнул его по плечу. – За год ты что-нибудь да придумаешь! А давай поспорим? Если ты эти тыквы куда-нибудь приспособить сумеешь, то я тебе отдам шапку-невидимку, что мне батюшка в наследство оставил!

– А если нет? – мрачно спросил Дитрих.

– А если нет, отдашь мне свои изобретения, – предложил неугомонный младший брат. – Тебе они тогда, хо-хо, все равно не понадобятся!

– А помочь ты мне не хочешь? – осведомился Дитрих невесело.

– Ты справишься, – весело заверил его Олаф. – Ты же в нашей семье умный, Дитрих. А если нет, так уж и быть, отпишу накануне следующего Самайна матушке. Ты-то ей никогда в жизни сам не пожуешься. Она прилетит и все решит. Так что, спорим?

Дитрих подумал, что хуже уже не будет и пожал брату руку.

– Спорим, братец.

Глава 1

Если ты, усталый путник, заглянешь в Новограде в корчму «У трех дорог», то увидишь там, кроме гостей, девицу бойкую, рослую, крепкую, с косой русой, круглым лицом и глазами голубыми. Это я, Марфа, Марфа Ерофеевна. Подавальщицей тут работаю, поварихе иногда помогаю, да полы мою, не отлыниваю.

Деваться мне некуда, вот и стараюсь.

Батюшка мой знатным купцом был. Да вот только помер он пять лет назад от лихоманки, а за ним и матушка моя за месяц от тоски ушла и осталась я одна одна-одинешенька. Был у нас дом богатый да лавок несколько по Новограду, а еще большой постоялый двор для купцов и путешественников с корчмой. Но ничего мне не досталось по малолетству и девичьему полу – все склады и богатства двоюродному брату батюшки перешли, Ермолаю.

И был дядька Ермолай человек неплохой, а только слабый. Скоро он забыл, что клялся батюшке, что позаботится обо мне и о сохранении богатств батюшкиных так, чтобы все мне в приданое перешло.

Поначалу-то я в своей светлице жила, горя не знала, но и зима не успела наступить, как денга дядьке Ермолаю в голову ударила, а пуще жене его, змеюке-Жуковне. Из-за нашептываний ее меня сначала в пристройку для чернавок переселили, а светлицу и покои мои детям Ермолаевым отдали и нянюшке моей доброй велели им прислуживать. А затем и вовсе меня прочь с глаз сослали, на постоялом дворе в каморке у корчмы поселили. Сказали мне, что батюшка мой погорел и ничегошеньки за ним не осталось, кроме долгов, которые дядьке пришлось выплачивать, так что живи из милости тут, Марфуша, а чтобы кормили тебя получше, ты еще и на кухне помогай, и убирай, и гостей обноси.

Меня-то как хозяйку с детства учили, но все же кулебяку испечь белыми рученьками – это одно, а помогать поварам на десятки человек снедь готовить – то другое. И с детства я в лавки отца бегала, он посмеивался, но не прогонял – и я, прилавка ниже, детским голоском своим ткани сторговывала, утварь да кожу, меха да оружие. Все же кровь купеческая, не поварская.

Но что делать, поплакала я, сменила свои сарафаны расшитые на скромный, из грубого сукна, повязала передник и платок на голову и пошла работать. Нянюшка моя иногда ко мне забегала тайком – то обувку какую передаст, то платок принесет, чтобы зимой я не мерзла, то перекрестит, то оберег Макоши-матушки подарит. А я нянюшку обниму, поплачу и говорю: «Беги, милая, а то заметят и выгонят тебя».

Работала я и денежку копила – то один постоялец монетку бросит, то другой. Очень уж я умела их на снедь разную вкусную уговорить. Я работала и ждала, когда к нам в Новоград воевода приедет – он отца знал, и я в ноги ему броситься хотела, попросить по чести во всем разобраться.

То не сама я додумалась, то повариха мне подсказала. Она-то моих родителей тоже знала.

Если не вспоминать о том, чего лишилась я, так в корчме и на дворе постоялом даже весело было. Случались тут гости удивительные – и сказители, которые пели, а над ними волшебные картинки силой слова показывались, и колдуны настоящие, и светлые, благостные, и темные некромантусы, коих звали, если где упыри расшалились или волкодлаки. И ведьмы бывали, и наши, и чужеземные, наши-то все больше в ступе прилетали, а иноземные на метлах или на коврах – самолетах, а то и в птичьей форме.

Так я так думаю, что в ступе все же удобнее.

А еще были и немцы, и датляндцы, и гранпританцы, и варяхи, и хишпанцы, и итальяйцы, и арабы смуглые, и византийцы, и эфиопцы черные. Со всеми я приветлива была – интересно мне было слушать рассказы о странствиях и далеких землях. И языки потихоньку выучила.

Меня не обижали – сначала, потому что дитя дитем была, а как пошла в рост, так стали у меня плечи широкие, тело статное, руки крепкие – уже сама котлами могла на кухне ворочать. Кто пытался ладошки из мужиков пьяненьких ко мне потянуть, того мигом в калач скручивала. Это мне дядька Горомысл объяснил науку борецкую, он раньше с воеводой воином ходил, а потом постарел, погрузнел, на нашей поварихе женился да при корчме на охрану и остался.

Прямо сказать, надоели мне эти мужицкие приставания хуже горькой редьки. Их брат ведь что думает? Что если девах тут подолом крутит, то и на все согласная. А я, может, и согласная, только не услаждать кого. Хоть кто бы с собой помощницей позвал – я ведь и читать могу, и считать, а так хотелось мне земли дальние повидать! Но у кого спрашивала – все на смех поднимали.

Встречала я и старых батюшкиных товарищей-купцов: они горю моему сочувствовали, да что сделать могли? Взять с собой девицу чужую нельзя, им еще с дядькой Ермолаем дело иметь. Была бы я парнем – могла бы и сама уйти, а девка у нас что корова, сама по себе быть не может, только чья-то быть должна. Но батюшкины приятели тоже помогали, чем могли, так что скопился у меня мешочек монет, на который я и год могла сама прожить.

Слушала я их разговоры – так узнала, что две дочери одного из купцов, батюшкиного давнего партнера, чудных мужей себе нашли – одна, Алена, аж за Кашея, царя подземного вышла, а вторая, Марья-красавица, за колдуна могучего гранпританского. Я Аленку и Марьюшку с детства помнила – брал их отец иногда в стольный Новоград, и тогда мы с ними вместе играли.

Иногда, когда от усталости валилась я на постель в своей каморочке, вздыхала я, что должна я тоже бы о женихе мечтать, как девице семнадцати годков положено. А мечтала я путешествовать, в люди выйти, свою лавочку открыть или две...

Разные люди через корчму проходили, но хороших людей все же больше было. А иные волшебники и вовсе в благодарность за расторопность мою и веселость дары мне дарили – кто платок волшебный, что стирать не надо, кто ниточку с иголочкой, что сама шьет, а нитка не кончается – как помогла она мне с починкой бедной моей одежды! – кто гребень, постелью мягкой оборачивающийся.

В то утро, с которого всё и закрутилось, поднялась я, как обычно, затемно, до первых петухов. Перину свою обратно гребешком обернула, косу им расчесала, надела сарафан поверх рубахи, платок повязала и пошла на кухню. В зале корчмы-то уже утренний народ скоро будет собираться, чтобы выехать пораньше на тракт и до темноты до следующего постоянного двора добраться.

А смотрю – за столом в корчме уже сидит кто-то в полумраке. Незнакомый, не было его вчера. Не наш, точно, наши так волосы в косу не плетут ниже плеч. Очки на нем круглые, я таких мало в Новограде видела. И камзол зеленого сукна не наш, на немецкий похож, и сапоги кроя другого, и портки. Белобрысый, будто соломой на солнце выжгло, долговязый. Плечистый, правда. Рыбаки такими плечистыми бывают. Сидит, рядом мешок лежит, а этот в кружку смотрит и думу какую-то печальную думает.

То ли проигрался где, то ли проторговался. А, может, любовь несчастная. Такие тоже бывали – они тут с варягами обычно напивались и на варяжские корабли нанимались. А потом возвращались через несколько месяцев и говаривали в сердцах – и правда верное средство, любовь как рукой сняло!

Ну я посмотрела и на кухню проскользнула. А там уж гудит всё, как в улье, тестом и овощами пахнет. Дядька Лавр, которого еще мой отец управлять постоянным двором и корчмой поставил, наказы раздает, повариха тесто месит, поварята, помощнички ее, кто лук режет и рыдает, кто куру ошипанную палит, кто репу чистит, кто капусту шинкует. Дядька Горомысл у печи сидит, сало с хлебом жуёт. Подмигнул мне.

– Поздно ты сегодня.

– Да она и легла позже всех, – махнул рукой дядька Лавр. – Ты, Марфуша, готовить не суйся, без тебя справятся. Ты воды натаскай и в зал иди.

Побежала я туда-сюда с ведрами к колодцу по двору, уж снежком запорошенному – уж две недели как отыграли Велесову ночь, которая в других странах Самайном зовется, и зима уже стучалась-порошила в двери. Вышла я в зал, а там все этот горемычный белобрысый сидит. На стенку теперь откинулся и глаза закрыл. Ну я ему быстренько в подпол спустилась, кваску нацедила из бочки, такого, ядреного, холодного, чтобы всю дурь из головы вышиб, и, поднявшись, на стол поставила.

Он глаза под очками растерянно-недоуменно поднял – а они у него, мамочки, еще светлее, чем у меня, почти прозрачно-голубые. И лицо такое вытянутое... не хранцуз точно и не норвей, все же немец или датляндец. Тут я и мешочки на поясе широком увидела, и кольца на руках, и серьгу-амулет в ухе. Колдун, что ли?

– Испей, – говорю, – мил человек, квасу хлебно-березового. Он с утра голову проясняет.

– Я не заказывать, – отвечает недоуменно. По-нашему говорит почти чисто.

– Так за счет заведения, – улыбнулась я. Всякий торговец знает, что если человеку приятно сначала сделать, так он потом в благодарность пол-лавки у тебя купит.

Он кружку взял, понюхал с подозрением, отпил и заморгал ошеломленно. Брови удивленно поползли вверх, и он ещё отпил, побольше. А затем еще, словно прислушиваясь к себе. И неуверенно улыбнулся.

– Это ты, бедный, и квасу настоящего русского не пробовал, что ли? – посочувствовала я. – Так я еще налью. А если голова вдруг болит, то в корчме настоечка есть, на девяноста девяти травах. Я ее сама готовлю. Любую хворь снимает.

– Любую? – усомнился он.

– Ну почти, – не стала совсем уж лукавить я. – Но голову лечит только так!

– А давать, фрекен! – махнул он рукой. – А то и верно голова как в туман. Я могу и сам себя подлечить, но любопытно... как-это по-росски... испытать эксперимент?

Принесла я ему стопочку. Выпил он, закашлялся, слёзы из глаз брызнули, по столу ладонью постучал и выдохнул что-то по-датляндски про Господа на небесах и про Одина – покровителя. Все же датляндец, я аж гордость за чуйку свою испытала.

Колдун же посидел, прислушался к себе, губы облизал.

– Есть тут, – говорит, – и мята, и лавендер, и кипрей... и крапива, верно я говорить? И кора дуб чувствую, и чабрец. А больше я и не определить.

Он снова подумал и плечи расправил. Посмотрел на меня удивленно.

– Голова прошла, – сказал озадаченно. – И правда работать твоя настойка, фрекен.

– А то, – ответила я горделиво, на датляндский переходя. – У меня все работает, господин колдун. А сейчас я тебе пирожка медового принесу да вчерашних щей. Какая бы беда ни была у тебя, сразу впятеро меньше покажется, вот увидишь!

Он спорить не стал, лишь улыбнулся слабо.

– Если бы, – пробормотал себе под нос.

Да я и слушать не стала, побежала еды накладывать. Ведь известно, сытый мужчина – довольный мужчина.

В кухне уже всю котлы парят, каша кипит, с улицы уже петухи кричат – скоро-скоро солнышко выйдет. Слышно, как кони гостевые в конюшне всхрапывают да копытами перебирают.

Стал он есть, а я столы протираю, паутину с углов стряхиваю, на него поглядываю. Поел он – и правда повеселел чуть, монетки на стол положил – а кошель-то худоват, сразу видно, не богат. Покосился на меня.

Я посуду унесла, вернулась.

– А это тебе, фрекен, за доброе слово, – сказал он и положил на край стола маленькую серебряную монетку.

Я деловито подошла, монетку взяла, вытерла передником, на зуб попробовала. И правда, серебро – я ее в пояс и засунула.

– Спасибо, – говорю, – герр колдун, вот из Датляндии гости всегда вежливые да обходительные.

Он усмехнулся рассеянно как-то.

– Откуда узнала, что я из Датляндии, фрекен?

– А я смекалистая, герр колдун, – бойко ответила я, протирая раму от окна. Гляжу, вновь усмехнулся и снова загрустил. – Может, расскажешь, герр колдун, что за печаль тебя снедает? Может, моя смекалка тебе и поможет?

Он вздохнул. В мешок свой полез, который, чем-то туго набитый – котелок там, что ли? – на лавке лежал. И вытащил оттуда... Яблоко? Да не бывает яблок таких больших. Капусту большую? Да не бывает капуст таких оранжевых и ребристых. На стол положил – что-то пузатое, как солнышко яркое, а сверху огрызок стебля такой толстый, как канат.

– Репа, что ли? – говорю с сомнением и принимаюсь. Пахнет чуть сладковато, но едва-едва. – Или дынный плод асийский? Али все же яблоко такое вырастили? Да что же это, герр колдун, овощ или фрукт?

И я пальцем чудо это потрогала – твердая, гладкая, как кора осиновая.

– Овощ это заморский, из земель далеких, – вздохнул колдун. – Тыква называется. Знаю, что с ним там каша варить. А у меня их, фрекен, тысяча триста тринадцать. Девять я купцам на пробу в разных городах сумел всучить, вот до Новограда добрался, но они торговать им отказываются – овощ незнакомый, может десяток купят, а какой купцу интерес с десятка? А мне надо за год их в дело пустить, потому что... – тут он осекся, махнул рукой и совсем закручинился. – Короче, вопрос жизни и смерти это!

– Так что это, – спросила я жизнерадостно, – выходит, у тебя на продажу есть то, чего ни у кого во всем Дивномирье нет?

– Скорее, то, что никому в Дивномирье не надо, – ответил он невесело. – Хоть обратно в Заморье все эти тыквы отправить, но далеко это, сил не хватит.

– А ты каши сварь, угости купцов-то, – подсказала я. – Им же надо знать, что продавать!

– Да не уметь я варить, – с досадой ответил он. – Я и-зо-бре-та-тель!

А у меня глаз загорелся, я думаю, это ж если ему долю предложить, так я себе и на лавочку насобираю. И только рот открыла, как ввалилась в корчму ватага варяхов и стала требовать еды, затем пришли караванщики с Аравии, затем пара волхвов пришла и, заметив коллегу, сели к датляндцу за стол и завели разговор о делах своих, колдовских. А я же все это время бегала, яства на столы метала, посуду убирала. Дядька Горомысл у двери сел – чтобы никто не ушел, не расплатившись.

А я гляжу – колдун-то волхвам тыкву показывает и что-то неловко рассказывает. А те с сомнением головами покрутили. Видать, он купить предлагал, а они отказались. Он с досады наверх, в гостевые комнаты, и ушел.

Глава 2

Думала я к нему подойти, как народ рассосется меж завтраком и обедом, да додумать не успела. Только-только опустела корчма, как скрипнула дверь со двора, и в зал нянюшка моя старенькая забежала. Платок набок съехал, грудь ходуном ходит, лицо белое.

– Марфуша, – шепчет, – беда!

Я на дядьку Горомысла глянула, а он мне кивает, усы качаются – мол иди, пригляжу. Увела я нянюшку в свою каморку, усадила на лавку, воды в деревянной плошке подала. Она глоток отпила и давай рассказывать.

Приехал, мол, вчера воевода в Новоград ночью, а сегодня с утра, объезжая дозоры, мимо моего отеческого дома, из которого меня выселили, проезжал. И, видимо, вспомнил про моего отца, потому что сошел с коня и прямо в дом направился. Дядька Ермолай и Жуковна ему кланяются, а воевода сел за стол, бороду огладил и спросил строго: а где, мол, дочь Ерофея Афанасьевича, друга моего покойного? Почему не вижу?

А дядька ему и пропел, что держит меня как родную дочь, в шелках и бархате. А не видать меня потому, что я с сыном его Богшей уже сговорена, к свадьбе готовлюсь, потому и живу в другом доме, краше этого, с няньками и бабками, оттуда и свадебным поездом поеду.

– А воевода что? – спросила я, а у самой сердце будто в ледяную воду упало.

Нянюшка промокнула слезу рукавом.

– А воевода, Марфушенька, сначала нахмурился, а потом дядька ему шубу соболью поднес да коня гнедого. Он подобрел, сказал, что на свадьбу благословляет. И что сам тебя к алтарю-то поведет.

Я на лавку рядом с ней так и села. Не подумайте, девица я практичная. Был бы то не Богша, кто другой из дядькиных сыновей, может, и согласилась бы. Вошла бы в дом хозяйкой, а там уж потихоньку и всю родню, и змеищу-Жуковну к ногтю бы прижала. Что тут говорить – я с детства знала, что выйду за того, на кого укажут, и буду жить с мужем хоть сильным, хоть слабым, хоть разумным, хоть глуповатым, как уж получится. Тут уж главное самой разумной да бойкой быть.

Но Богша... Из семерых дядькиных детей он один был такой: двумя годами меня старше, а с первого дня, как в наш дом въехал, меня щипал, дразнил, за косу дёргал. Наветы на меня матери своей носил, что я, мол, ворую, а за то меня еды лишали. Сам пирог стащит, а мне потом три дня сухари грызть.

С подлым я жить не стану. Ни года, ни дня. В опочивальню с ним супружескую входить... чернявый, кудрявый, с усиками этим завитыми... Брр! Меня аж передёрнуло.

– Бежать тебе надо, Марфушка, – зашептала нянюшка и руки мои в свои взяла. – Прямо сейчас бежать. Я как из дома выскользнула, Жуковна на дядьку визгом визжала: не хочу, мол, бесприданницу в невестки! А он ей: дура, какая бесприданница, тебе что, память отшибло? Это мы тут живем, пока она замуж не вышла, и муж ее все добро по закону не получил. Женю Богшу на ней, так всё богатство Ерофеево по закону наше будет, и никакой воевода не страшен!

– Так это же к воеводе надо бежать! – вскочила я. – Всё ему как есть рассказать!

Чмокнула нянюшку в щёку, платок поправила, старенькую телогрею на плечи набросила, в чоботы уже разваливающиеся вскочила, и бегом за ворота. Да только выскочила на улицу торговую, подмороженную, солнцем залитую студеным, как увидала далеко, в конце её дядьку Ермолая. Шёл он быстро, пузом вперёд, шуба нараспашку, а за ним двое подручных его, Сыч и Ширий, каждый поперёк себя шире. И Богша сзади. Противный, смазливый, фу!

Попятилась я, во двор шмыгнула и заметалась. Куда бечь? В лес? Так там зима скоро, и волки. К купцам знакомым? Так ни одного сейчас на дворе. Не к варьям же наниматься

– знаю я, кем они меня наймут! Дядьку Горомысла звать? Так его тогда со двора выгонят и повариху с ним, а у них детки малые. Вещи собирать? Да когда же!

И тут взгляд мой на окна второго этажа упал.

Я сначала в комнату свою залетела, нянюшку обняла, крикнула «Я в Датляндию сбегаю», схватила свой гребешок, платок да иголку волшебные и побежала дальше. Взлетела я по лестнице к комнатам для постояльцев, дверь распахнула, а колдун уже на пороге стоит, в плаще дорожном и шляпе широкой, мешок с тыквой через плечо.

– Стой, герр колдун! – говорю, запыхавшись, по-датляндски. – Как звать-то тебя?

– Дитрих, – ответил он удивлённо, – Дитрих Готтхардсон.

– Митрий Готтхардович, – выдохнула я, – возьми меня приказчицей! Помощницей повашему! Я тебе все твои тыквы продам, обещаю! Только забери меня отсюда!

Он усмехнулся, очки свои круглые поправил.

– Ты, фрекен, – говорит, – девица смекалистая, однако как ты продашь, если и купцы не берутся?

А я будто уже голос дядюшки с улицы слышу. Или кажется мне?

– Это не купцы, – ответила я презрительно, – купчишки. Им такое золото в руки шло, а они побоялись, эх! Я дочь купеческая, дочь Ерофея Афанасьевича, первейший купец новоградский был мой батюшка! Да я его науку знаешь, как усвоила! Бери меня, не пожалеешь!

Точно дядюшкин голос за окном уже...

Колдун прислушался, на меня посмотрел. Не дурак, ой не дурак – видно, как у него в голове мысли завертелись.

– Хорошо, – сказал он. – Только договор подпишем. Какие твои условия, фрекен? От меня только требование продать все до следующего Самайна. Или не продать, но в дело пустить, чтобы не испортились.

И тут перед ним перо появилось и лист бумаги в воздухе завис.

Тут уж я выпрямилась: торг он и в пожаре торг.

– Жалованье, – говорю торопливо, – две серебряных в месяц.

– Хорошо, – кивнул он.

Перо начало записывать быстро-быстро.

– Харчи и одежда твои, герр колдун. Чтобы торговать, мне надо сытой и одетой быть!

– Разумеется, – согласился колдун. Перо все писало.

– И, – я осмелела, – доля с прибыли! Десятая... нет, седьмая!

И зажмурилась, потому что сейчас как откажется он, но кто ж купеческой душе торговаться запретит?

– Пятая, – предложил он.

Я рот открыла. И захлопнула быстро – потому что голос дядюшки уже из корчмы раздавался, а ему отвечал дядька Горомысл, мол не знаю, где Марфуша, тут была да там бегала...

– Ты что ж творишь, Митрий Готтхардович? – прошипела я в ужасе. – Кто ж так торгуется? Я тебе седьмую, а ты мне пятую? Ты так по миру пойдёшь! Седьмая, и не спорь, а то я тебя уважать перестану.

– Хорошо, фрекен, седьмая, – покорно согласился он.

– Комната своя, с замком, – заторопилась я, прислушиваясь.

Колдун воздел очи к потолку.

– Пусть!

– И не приставать! – выпалила я последнее.

Тут колдун и вовсе замер. Брови сдвинул. Рот открыл.

– Не обсуждается! – жалобно пресекла я его речь.

– Я и не собирался! – рявкнул он наконец. Перо, следуя его тону, сердито что-то накарябало и поставило жирную точку под «не приставать к фрекен Марфе». – Все уже? Можно договор подписывать?

По лестнице уже тяжёлые сапоги затопали.

– Нужно! – всхлипнула я, схватила перо и размашисто написала «Марфа Ерофеевна». А колдун вензель какой-то поставил хитрый.

Дверь распахнулась. В проёме дядька Ермолай стоял, красный, потный, борода торчком, а за ним Сыч да Ширяй, и Богша между ними выглядывает.

– Вот ты где! – голос у дядюшки был медовый-медовый, ласковый. – Марфушенька, ты же знаешь, что я тебя как дочь свою люблю?

А колдун ногой топнул, прошептал что-то – и мы сквозь полы провалились. Я завизжала – потому что в темноте оказалась – а затем земля нас выплонула на окраине леса за рекой Волхов.

– Это что же и как же, мы под землей как по маслу прошли? – я ошеломленно ощупала себя. А колдун вновь рукой повел, и в руке его посох оказался, кривой, деревянный, отполированный. Он им как-то хитро в землю подмерзлую постучал, и только сказал мне:

– Только не бойся, фрекен Марфа.

– А чего боя... ой! – я рот себе зажала, потому что из-под земли поднимался большой черный змей с золотыми глазами, такой большой, что голова у него была как две телеги, если рядом их поставить, а на голове корона костяная росла, сложенная венцом. Змей голову на землю положил и вздохнул радостно, и корона раскрылась – а там кресло стоит костяное. А вокруг тыквы лежат – штук тридцать их, не меньше.

– Это Вурм, – объяснил этот... Готтхардович, по пасти и лбу змеюки черной на голову его взбираясь, – костяной змей, голем, но разумный. Я его изобрел... создал, чтобы под землей ходить. Не бойся его, он обижается, когда его боятся. Пойдем со мной, он нас в Грюнебах отвезет.

И что делать? Вздохнула я, полезла следом, цепляясь за антрацитовые чешуйки. А там наверху уже колдун рядом с креслом стоит и как-то странно краснеет.

– Придется тебе, фрекен, – говорит сурово, – мне на колени сесть. Не подумал я, что кого-то возить буду, а не на тыквы же тебе садиться.

А я что? А я так же сурово кивнула и на колени к нему умостила. Он меня приобнял и посохом Вурма по лбу коснулся. Корона захлопнулась, а змей этот в землю как в воду нырнул. И понесся под землей – темнота, шуршание вокруг. Я в руку колдуна вцепилась, вжалась в него так, что он как-то придушенно крикнул, и глаза закрыла.

Все равно ж не видно ничего вокруг.

А вынырнул Вурм на склоне холма, на котором стоял дом каменный. Я на трясущихся ногах со змея сошла, на землю упала, поцеловала ее о счастья.

– Это что ты такое делаешь, фрекен? – услышала я недоуменный голос колдуна.

Встала, дыхание перевода – уж не знаю, сколько мы ехали, но я всем богам и старым, и новому, успела по десять раз помолиться.

– Ничего, – ответила, отряхивая подол душегреи. – У нас, на Руси, так положено. Приехал куда – землю поцелуй. Она тебя носила, она тебя и кормить будет.

Смотрю, а лицо у Митрия Готтхардовича такое задумчивое-задумчивое сделалось, будто он размышлял, не блаженную ли он в дом привел. И я поторопилась, огляделась:

– Герр колдун, а где ж тыквы-то твои?

Было тут зябковато, но солнечно и куда теплее, чем у нас в Новограде – будто в начало сентября у нас вернулась! Внизу, в долине, в солнечном сиянии совсем рядом городок стоял: крыши оранжевые и черные черепичные, стены желтые, красные да белые, улочки чистые,

ратуша красная с часами. Таверна совсем близко к холму, домики с огородиками. На деревьях еще полно желтой и красной листвы, за городком речка, на которой мельница колесо крутит.

– Пойдем, покажу тыквы, фрекен, – позвал меня колдун и к дому направился. Ну и я за ним.

Вышли мы на холм – дом ух какой крепкий, добротный, серо-каменный, трехэтажный, с крышей, черепицею покрытой оранжевой. С садом вокруг заброшенным – еще яблоки на ветвях висят, а нападало-то сколько! У нас-то давно их морозом побил. Видимо, морозца тут и не было еще, не то, что у нас.

А потом мы вышли за дом. И за ним лежало поле. И всё оно до самого леса было усыпано оранжевым. Тыква к тыкве, тыква на тыкве, будто солнце упало на землю и на тысячу кусочков рассыпалось. Маленькие и большие, с колесо телеги.

У меня аж дух перехватило.

– Митрий Готтхардович, – прошептала я, – это что же... всё мне?

– Дитрих Готтхардсон, – поправил он дотошно.

– Так я же так и сказала! – возмутилась я.

И тут снизу, из городка, донеслось хриплое, протяжное «кха-кха-кха». Я аж подпрыгнула, а этот Митрий озабоченно очки свои круглые снял – глаза у него действительно красивые оказались, с ресницами длинными белыми, – протер их платком и сказал досадливо:

– Кукушка это, фрекен Марфа. Все время забываю починить. Ну, пойдем в дом, я тебе комнату твою покажу, и приступишь к делу. Да и я дальше делать дело буду.

– Не доверяешь мне, что ли, герр колдун? – я пошла за ним к дому.

– Да я тебя знаю с рассвета, фрекен, – разумно ответил этот... Дитрих. – У нас говорят, на судьбу надейся, а сам не плошай.

– Ну, это разумно, – одобрила я.

И тут мы подошли к дому.

Глава 3

Дом вблизи оказался справный, что я сразу и оценила хозяйским глазом: камень тёсанный, крыша в два ската, окна частым переплётом забраны, крыльцо широкое, двери высокие – заходи не кланяйся. А вот внутри...

Я встала на пороге и обмерла.

Внутри был, как бы это по-нашему сказать, кавардак безбожный.

В сенях, слишком широких, не по-нашему, не по-росски сделанных, полки по обе стороны стояли. И на них обувь была навалена вперемешку с шестернями какими-то, валами витыми, как от телеги, мешками с камнем полированным. В углу лыцарь стоял, копьем проход перегораживая. Про таких волшебные сказители рассказывали, образы нам показывая в корчме, да иногда проезжали такие через Новоград, в корчме останавливаясь.

Я только хотела спросить, как пройти, как у лыцаря глаза зеленым загорелись, и он проскрежетал:

– Добро пожаловать домой, хозяин.

И копьё поднял.

– И тебе здравствуй, Генрих, – ответил герр колдун. Повернулся, на меня указал. – Это Марфа, помощницей моей будет. Ее пропускать и защищать.

– Будет сделано, – браво отчеканила железяка и копьем салют отдала, да потолок сеней-то и пробила. Я посмотрела вверх – матушка-Макошь, а там потолок сплошь в дырах!

– Никак настройки не поменяю, – герр Митрий заметил мой взгляд, на потолок посмотрел и нахмурился. – Забываю все время.

– Экий ты забывчивый, – попеняла я, дальше шагая. – Ну ничего, я тебе помогу... а тепло-то чего в доме так? Не заметила дым над трубами.

В сенях действительно было тепло, хотя на улице прохлады осенняя стояла.

– Это я систему отопления на артефактах настроил, – ответил он и по плите какой-то каменной на стене постучал, знаками красными светящимися покрытой. – Вот она. – И двери в следующую комнату открыл. – Топить дом дорого.

– Ой как дорого, – с уважением покивала я. Видно, не совсем бесполезный же колдун! И тут я дальше через порог шагнула и снова замерла.

За сенями большая зала была, от которой вверх лестница отходила и коридор в обе стороны. С одной стороны – камин большой, видно, что давно нетопленный, на стенах плиты эти обогревательные красными знаками горят, и шкафы, шкафы, шкафы! А в шкафах куча всего! И книги, и механизмы какие-то! Стол ближе к камину наполовину бумагами завален, а на другой половине – тарелки грязные и чашки, уже с плесенью. На стульях какие-то совы железные и мыши, в углах паутина, ковры на полу драгоценные персидские – их я сразу узнала, – но такие грязные, что рисунка почти не видно. Метла в углу одна стоит пылью покрытая.

– Это что же у тебя тут, Митрий Готтхардович, за бардак? – потрясенно спросила я, разглядывая большую портрету, что на стене висела – была на ней большая семья да двое мальчишек почти одного возраста, в одном из которых, помельче, я хозяйина и признала. – Разве ж можно приличному герру в таком хламе жить?

И тут он огляделся, будто впервые все увидел, и стремительно покраснел, от ушей до щек и шеи.

– Дай угадаю, – подсказала я. – Ты все время об уборке забываешь. И девок нанять убираться забываешь.

Он, все так же краснея, кивнул.

– Я голема уборочного сделать планировал, но все время более интересные дела попадаются.

– Герр колдун, – сказала я строго, – а домовый у тебя есть вообще? Или ты один тут, как сыч в дупле, живёшь?

– Есть, – признался он виновато. – Пелле зовут. Только он меня не слушает.

– Это как это домовый хозяина не слушает?!?!

Митрий Готтхардович плечами пожал, а я уже метлу из угла выдернула и давай по полу стучать черенком.

– А ну, выходи, который тут за домом присматривать должен! А то я сейчас как одежду тебе пошью, ты ж позора такого не оберёшься, из дома уйдёшь, будешь скитаться, как кики-мора бесприютная! Или вон батюшку позову, чтобы окрестили тебя! Ишь что выдумал, за домом не следить, хозяина не обихаживать!

В камине осторожно проступила из воздуха мордочка – маленькая, бородатая, будто одна голова и борода, в красном колпаке, щёки, как у хомяка, раздутые. Да уж, это не наш хозяйюшко, это борода на ножках какая-то!

– Чего шумишь, – буркнула эта борода, – девка незнакомая? Я тут домовым еще при бабушке нынешнего хозяина жил, а ты кто?

– Домовым? – я руки в боки упёрла. – Домовой дом в таком виде держит? Да у меня бы в корчме за такое веником бы и погнали! Ты чем вообще занимаешься целыми днями, кроме как в погреб заглядываешь, судя по щекам?

Пелле смутился, глазки отвёл.

– Так хозяин забывает сливки мне ставить, и маслице, и прянички! Не уважает меня, значит! А я что ж, силой заставлять буду? Обижаюсь молчком, вот и весь мой ответ.

Я на растерянного колдуна, снова покрасневшего, посмотрела, и рукой махнула.

– Я тут разберусь, герр колдун, – сказала я. И уже ласковей к домовому обратилась. – Ниссе уважаемый, не сердись, не со зла я. Я тебе сейчас сливок налью... если найду. А не найду, схожу подою козу.

– Нет у нас коз, – буркнул ниссе расстроено.

– Заведем! – жизнерадостно сказала я. – В конце концов то, что не продадим, козам скорим, да, Митрий Готтхардович? Земля же не обидится, если тыквы твои кормом для животин-нок сделать?

Он покачал головой, словно изумляясь, что сам не додумался.

– Нет, это же польза.

– Ну вот! – радостно заключила я. – Вот что, Митрий Готтхардович! Еще две монеты серебра в месяц, и я тебе и дома порядок наведу, и горячими обедами обеспечу. Работы тут – непочатый край! Согласен?

– Согласен, – так быстро вырвалось у него, что я заподозрила, что продешевила. – И я Дитрих.

– Тогда покажи мне мою комнату, – не стала я обращать внимание на его занудство. – А затем ты пойдёшь... ну, свои колдовские дела делать. А я обед соображу, уборку на пару с домовым начну и подумаю, что с тыквами твоими делать!

Комната моя оказалась на втором этаже, пусть и пыльная, но теплая и большая. И со щеколдой изнутри, как и договаривались! Я при колдуне ее проверила, а он возьми и снова покрасней. Ну не герр, а отрок стеснительный, надо же!

– Что же, – деловито сказала я, котомку свою на табурет поставив и душегрею скинув, – пора и за дело браться. Первым делом я кухню посмотрю, Митрий Готтхардович. Думаю я, там тоже надо будет делать уборку. А затем буду из тыквы твоей приготовить что-то пытаться. Ой, – спохватилась я, – а кто же тебе готовил-то все это время, герр колдун?

– Мне из таверны еду на день носят, я ее сам потом заклинанием подогреваю, – объяснил он, – а я им за то бесплатно голема-охранника сделал. И от тараканов и блох заговорил. И кладовку холодильную сделал... И...

– Поняла, поняла, продешевил, – кивнула я. – Ладно, я точно не хуже повара в таверне готовлю. Разберемся.

И он ушел, только странным взглядом на мою котомку посмотрел и будто сказать что хотел, да не стал. Деликатный, надо же. А то я сама не понимаю, что вещей у меня мало, как у нищенки какой. Ну ничего, и порядок тут наведу, и одежду пошью! Надо посмотреть, в чем тут девки ходят – если не в сарафанах, то такое и пошить, чтобы не выделяться!

Глава 4

Кухня, как я и думала, оказалась большой-большой – и понятно, судя по портрете, огромная семья раньше у Митрия была, не меньше наших семей в Новограде купеческих.

И грязной-грязной была та кухня! Но и чудес тут нашлось немало. Ниссе показал мне и нерастопную печку, которая сама плиту наверху или жарочный шкаф внутри накаляет – ставь котелок и вари, клади сковороду и жарь, или пирог внутрь засовывай, а то и барашка, только ключ поверни сбоку. И большой чан закрытый, который сам воду варит, а из краника маленького кипяток течет. И воду носить сюда не надо – по хитрым трубам она сама из подземной жилы в кухню подается и над рукомоем огромным, свинью там отмыть можно, сама льется. Много-много чудес, больших и малых, хозяйке на радость. Да вот только не пользуется ими никто, и все грязью заросло.

Долго мы с ниссе вдвоём кухню и гостиную отмывали, паутину сметали, посуду расставляли, в шкафах порядок наводили, стол убирали. Ковры я, подумав, скатала и решила колдуну потом сказать, чтобы что-то придумал для их очищения.

В саду яблок павших набрала и компот из них поставила. Столько их там было, что велела домовому, пока не испортились, собрать и на чердак сложить, пусть лежат, а я уж как огляжусь, может, медка найду, да наварю из них варенья.

В погреб заглянула в поисках меда – а там почти и нет ничего, так, коренья какие-то, лук да морковь, да чесночок, да бочки с салом и бочоночки с маслицем конопляным. Сундуки под зерно и муку пустые, даже мышей и тех нет.

– Хозяин все время забывает продукты закупить, – вздохнул домовый Пелле и сердито по бочке постучал. – Да и не нужно ему, раз из таверны носят. А так захочет перекусить, а нечего, морковь помоешь, сидит в своем кабинете и грызет ее.

– А почему не нанял себе повариху да служанок дом разбирать, да садовника-огородника? – поинтересовалась я. – Почему вы тут вдвоем живете?

– А потому что хозяин у нас – бессеребренник! – плюнул ниссе сердито. – Весь город к нему за помощью ходит, а он платы не просит. Горожане так и привыкли, так если ему и перепадает что, так только от бургомистра за помощь по городу, мост там или в ратуше фундамент укрепить. И то, думается мне, недоплачивают хозяину. Олаф-то, его младший брат, вот какой лоснящийся ходит, а у него наследный дом в соседнем городке, поменьше.

– Ужасы какие ты рассказываешь, – в сердцах высказалась я, наверх поднимаясь с бочоном конопляного масла под мышкой. – Ничего, я это так не оставляю!

Мытье окон я решила на потом оставить – и так умаялась, и под ложечкой уже сосало. Как вдруг раздался птичий щебет по всему дому, я аж подпрыгнула. А то бронзовая птишка над печью рот открыла и поет.

– Это хозяин так дверную колотушку переделал, – сказал домовый, – что, когда кто стучит, механические птицы в доме трель выводят.

А трели все звучали и звучали.

– Ну пойдем, – сказала я, – посмотрим, кто там такой в гости пришел.

Вышла я на порог, мимо лыцаря-Генриха пройдя, а там девка стоит! Грудастая, румяная, хорошенькая аж сил нет, в чепце и платье таком, спереди зашнурованном, с рукавами-фонариками, с поясом красивым. И корзинкой в руках, от которой вкусные запахи разносятся, и утиная нога запечённая виднеется. Я на девку уставилась, она на меня – сверху вниз осмотрела, а я вся пыльная, потная, руки по локоть в саже, и лицо, подозреваю, тоже испачкано...

– Ты кто такая? – спрашивает у меня с любопытством.

– Я Марфа, помощница герра колдуна, – отвечаю, а сама уже прикидываю, не первый ли покупатель ко мне заглянул. – А ты кто?

– А я Астрид, дочка трактирщика, – говорит она и все за спину мне заглядывает. – А где герр Готтхардсон?

– А герр Готтхардович занят, умные мысли думает, – ласково говорю я. – А я уборкой занята, милая Астрид, ах, не покладая рук. Ты никак зайти хочешь? Я компотик как раз поставила яблочный, угощу тебя. А герр Готтхардович, знаешь, наверное, очень рассеянный, он и не слышал наверное, что ты пришла. Может, позвать его?

Девушка все на меня настороженно смотрела, но что я, никого не убалтывала в жизни, что ли? И расслабилась она, и в дом за мной пошла, с восторгом на чистоту глядя. Генрих, кстати, ее пропустил, значит и не первый раз.

– Ой как чисто! – восхитилась она. – Давно этому дому женской руки не хватало.

– Я лишь служанка, а дом хозяйку ждет, – со значением сказала я, и Астрид аж расцвела. Но тут же погрустнела, а я быстро-быстро ее за стол усадила, за компотом сбегала, налила ей...

– Тут хозяйкой все равно Илзе будет, дочь бургомистрова, – вздохнула она. – Она и ведьма еще, как матушка ее. Давно к герру Готтхардсону ходит, и матушки их с детства дружили.

Эту Астрид и раскалывать не надо было – она и так готова была все рассказать.

– А Расскажи-ка мне про эту Илзе, – попросила я нежно. – И про матушку Дитриха, и про семью его тоже...

К тому времени, как хозяин, видимо, совсем проголодался и вышел из своей мастерской, Астрид уже ушла. А я узнала про городок и семью Дитриха все-все-все. И что батюшка умер давно, а матушка, могущественная ведьма, далеко в волшебном университете преподает и иногда сына навещает. Что семья вся жила в этом большом доме. И что есть у Дитриха младший брат Олаф, который колдуном в соседнем городке живет – Дитрих-то семейное гнездо унаследовал, а Олафу достался дом поменьше, дедов, но он не в обиде. И что правду Пелле сказал – весь город к Дитриху ходит за помощью, а если и платят ему, то курой или корзиной яблок, а деньгой редко – знают, что колдун рассеянный и чудаковатый, и что про деньги и не вспомнит. И что живут в городе и окрестности много и обычных людей, и нечисти, живут дружно, налоги платят, а если где и дерутся, то быстро мирятся. А еще Астрид сказала, что через два дня ярмарка будет – каждое воскресенье она тут на площади у ратуши. И там и козочек купить можно будет, и кур-несушек с петушком, и платье какое, – тут она на меня посмотрела, и я поняла, что да, наверное, приодеться нужно будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.